

ЗНАМЯ КОММУНИЗМА

ОРГАН АНГАРСКОГО ГОРКОМА КПСС И ГОРОДСКОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ

Год издания 15-й

№ 53 (3544)

СРЕДА, 12 марта 1969 года

Цена 2 коп.

В агитпункте избирательного участка № 36 всегда народ. Один проверяют списки, другие консультируются по различным вопросам. Агитаторы ведут большую политико-массовую работу.

На снимке: агитатор Л. П. Смирнова, заведующий агитпунктом В. В. Печников, кандидат в депутаты по 136-му округу Галина Николаевна Коколенко.

Фото И. АМОСОВА.

ВСТРЕТИЛИСЬ С ИЗБИРАТЕЛЯМИ

На избирательном участке в школе № 6 состоялась встреча с кандидатами в депутаты Ангарского городского Совета депутатов трудящихся, выдвинутыми рабочими, инженерно-техническими работниками и служащими управления производственных предприятий треста Востокхиммонтаж.

Секретарь партийного комитета треста К. С. Яковлев представил избирателям крановщицу предприятия, отличную производственницу, комсомолку Ирину Игнатьевну Кукляну, бригадира слесарей, ударника коммунистического труда Александра Ивановича Роменкова и одного из лучших слесарей предприятия Виктора Федоровича Лосера.

Кандидаты рассказали о себе и заверили избирателей, что оправдают их доверие.

ДЕНЬ КАЧЕСТВА

Все большее число предприятий города, борясь за улучшение качества выпускаемой продукции, переходит на саратовский метод сдачи продукции с первого предъявления. Готовится к такому переходу и завод котельно-вспомогательного оборудования и трубопроводов.

Вчера на заводе прошел день качества, на котором начальники цехов, командиры производства ознакомились с принципами саратовского метода и разработали конкретные мероприятия по введению его на своем предприятии.

В этот день с лекциями, разъясняющими суть метода, выступил директор завода И. Л. Кильчешский, главный инженер Е. П. Колов, начальник ОТК С. И. Шановский и другие.

На заводе предстоит еще большая разъяснительная и подготовительная работа. В дальнейшем такие дни качества будут проводиться в отдельных цехах и участках.

НОВШЕСТВА

Продолжается техническое совершенствование производства цементного завода. В последнее время внедрен ряд новшеств, значительно облегчающих труд рабочих, увеличивающих производительность.

Уже на двух сырьевых мельницах из пяти реконструированы двухкамерные насосы на однокамерные. А к маю намечено переоборудовать все мельницы на работу с этими насосами.

Эта модернизация позволяет снизить расход воздуха, добиться стабильной работы мельницы.

В цехе упаковки цемента продукт раньше подавался к машине по шнекам. Сейчас же здесь оборудована пневматическая подача аэрофлотом. В отделении подачи золотила применена система пневмообрушения.

Все эти предложения внедрены в результате обмена опытом с другими заводами страны.

ПОЗОР ПЕКИНСКИМ ПРОВОКАТОРАМ!

По стране идут митинги протеста против бандитских действий китайских раскольников

По всей стране продолжают многолюдные митинги протеста против провокационных действий китайских властей, направленных на подрыв дела мира и социализма, на ухудшение советско-китайских отношений.

Продолжатся многотысячные демонстрации у китайского посольства в Москве. Над колоннами москвичей — сотни транспарантов: «К позорному столбу пекинских провокаторов!», «Позор клике Мао!». Участники митингов на предприятиях и в учреждениях столицы и своих резолюциях подчеркивают, что в ответ на наглый вызов пекинских властей советские люди еще теснее сплотятся вокруг Коммунистической партии, ее Ленинского Центрального Комитета, Советского правительства.

С решительным протестом против провокаторов вы-

ступая колхозники сельхозартели имени Ахунбабаева Калининского района Узбекистана.

— Весь мир видит теперь, как далеко зашла в своей авантюристической политике маоисты. — заявил полковник Маданни Ишанов. — Каждому здравомыслящему человеку ясно, что безумные действия китайских властей — это признак их слабости, признак того, что их политика зашла в тупик.

— Бандитский налет китайской военщины на советских пограничников — не случайность. — сказал на чашнике котельного цеха Г. В. Пискунов на митинге трудящихся Урвавтозавода. — Провокация подготовлена кликой Мао Цзэ-дуна, изменившей делу соци-

ализма, дружбе и сотрудничеству социалистических стран, вставшей на путь авантюры и пособничества империализму. Позор клике Мао, посягнувшей нарушить священные рубежи нашей страны.

Митинг протеста против гнусной провокации китайских властей на советской дальневосточной границе прошел в Н-ской части Краснознаменного северо-западного пограничного округа. Его участники почтливо вставали в память советских пограничников, погибших от рук маоистских солдат. Пограничники единодушно приняли резолюцию, в которой гневно осудили авантюристические действия клики Мао Цзэ-дуна.

(ТАСС).

ТЕСНЕЕ СПЛОТИМ РЯДЫ!

Многолюдный митинг трудящихся по поводу провокационных действий китайских властей на советско-китайской границе состоялся на цементном заводе.

Главный инженер предприятия В. П. Крипяцкий подробно информировал собравшихся о вооруженной провокации маоздунговской клики на границе 2 марта 1969 года. Собравшиеся на митинге рабочие, инженерно-тех-

нические работники и служащие с гневом и возмущением осудили действия китайских провокаторов.

— Нет предела возмущению той преднамеренной наглой провокацией, той жестокостью, которую проявили маоисты к нашим пограничникам. — сказал в своем выступлении председатель звонка Е. А. Барышников.

— Не более года прошло с тех пор, — говорил заместитель началь-

ника цеха обжига Н. Н. Елисеев, — как я демобилизовался из Советской Армии. Служил я на советско-китайской границе и сам был очевидцем многих провокационных действий китайских маоистов против наших пограничников. Но пусть помнят, что советские пограничники и все советские люди всегда готовы дать должный отпор любым нарушениям советской границы.

— Я, как женщина-мать, как коммунист, с глубоким возмущением осуждаю грязную провокацию китайских властей и горячо поддерживаю справедливое требование нашего правительства, выраженные в ноте китайскому правительству. — сказала в своем выступлении инженер лаборатории научной организации труда М. А. Моисеева.

На митинге единодушно приня-

та резолюция, в которой одобряются решительные действия Советского правительства, направленные на пресечение наглой провокации маоздунговской клики. В ответ на провокационные действия китайских властей, говорилось в резолюции, мы еще теснее сплотимся вокруг ЦК КПСС и Советского правительства и своим самоотверженным трудом будем повседневно крепить могущество нашей Родины.

М. КАРПЕЧЕНКО, старший инженер технической информации.

ПРОСТИТЬ НЕЛЬЗЯ!

власти должны знать, что границы нашей Родины священы и неприкосновенны.

— Я выражаю соболезнование родным и близким погибших пограничников, — эмоционально говорила на митинге работница Т. И. Гришина. — В ответ на пекинскую провокацию призываю всех швейников ударно трудиться, чтобы еще сильнее стала наша страна.

Говорит швея Ф. И. Иванова: — Мы осуждаем действия китайской клики и целиком поддерживаем требование нашего правительства — строго наказать тех, кто ответствен за нарушения границы.

— Я призываю всех усилить революционную бдительность и ударным трудом крепить мощь Родины, — так решила Галия Назаренко.

От работниц цеха № 3 выступила Нина Кулаичук: — Пролита кровь советских пограничников. Этого простить нельзя... Ответим ударным трудом на происки врагов.

Слесарь т. Яковлевский рассказал, что он работал плечом к плечу с китайским народом и знает, как он трудолюбив. Но отдельные маоистские группы сеют вражду среди китайского народа против нас. Мы возмущены действиями маоистов и всегда окажем поддержку любым мерам нашего правительства, направленным на охрану рубежей Родины.

На митинге выступило 16 человек. Все выступления пронизаны гневом, возмущением и осуждением грязной провокации Китая.

На митинге, состоявшемся на швейной фабрике по поводу провокации на советско-китайской границе, присутствовало 1700 человек.

Секретарь парторганизации пошивочного цеха № 5 т. Осиновская сказала:

— Вся ответственность за провокацию маоистской клики, направленной на обострение и ухудшение отношений между нашей страной и Китайской Народной Республикой, советским и китайским народами, ложится на правительство КНР. Мы возмущены провокационными действиями группы Мао Цзэ-дуна. Коллектив цеха приложит все усилия, чтобы трудом крепить могущество Родины.

Молодая работница фабрики Наташа Бугрина сказала:

— Мы, комсомолы цеха № 1, с гневом осуждаем провокационные действия китайских провокаторов и одобряем меры Советского правительства. Китайские

ЩЕПОТЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

(Продолжение. Начало в № 51, 52).

ВЫСТУКИВАЮТ колеса под полом. Тяжело, где-то впереди дышит издерганный паровозик. Следят он космы черного дыма по околицам деревень, по крестьянским десятинам — полосам, на которых наливаются хлеб. Разогнет спину баба, глянет из-под руки на бегущие по насыпи теплушки, набитые мужиками, туманом застелет ей глаза — вспомнит баба своего, инувшего в ее с детьми в объятия беспросветной нужды и бесчисленных забот. Дальше всех шшелон провозжат церкви и колокольни — высоко они выбросили в небо купола и кресты над почерневшими соломенными шапками надмурными изб. Далеко с высоты-то глядеть, а у изб окошки в землю смотрят, за два шага перед собой не рассмотреть.

По колесной дороге, вдоль «железки», телега с мужиком. Иоська смотрит на них и представляет, что вот так же возвращается со станции отец: свесив с телеги заученные в новые лапы ноги, он забыл про Гнедка, а тот не торопится, не мешая хозяину думать. А хозяин ждущая пустота и гнетущая тревога: теперь двое со смертью играют.

Попуту отец будет ладить к носу длиннозубые грабельцы, а покончив с этим делом, выйдет на загон и попробует на зуб зерно. Косить будет в одиночку, а за ним медленно начнут вырастать на полосе поставушки из снопов, поставленные матерью.

Иоськин место «на втором этаже» нар. Этажи из шершавых неостроганных досок, от которых идет свежий смоляной запах. По весне, видно, сосны валили, без просушки пустили в дело. Напротив — окошко. Выглядящее место — лежи себе и смотри.

Внизу двое. Мужик и парень. Татары. Старшему не меньше тридцати. Телом он сух, лицо его серо и на нем тощие щеточкой усики. Этот оторван от семьи, от тысячи дел. Он сидит на краю нар голый по пояс и штопает серыми суровыми нитками рубаху. На темную матерью ложится неровная белесая стежка, а татарин улыбается и, довольный, покажет языком. Парня зовут Андреем. Он смугл и круглолиц. У него приятный голос, и вот уже больше часа, как он, заложив руку за голову и вытянувшись вдоль нар, поет на своем языке грустные песни. Они похожи одна на другую, и не понять, о чем поет парень.

— А...а...ола...а... Ола...а...а...
Ему никто не мешает. Пусть поет себе. Унылый напев ложится теплым, не лишним комочком в душу.

Из кувшинцев в эту теплушку никто не попал, а Иоське не с кем по-свойски перебраться словом, шов завязывает этим двоим, внизу.

В дальнейшем углу новобранцы обступили старшего вагона — солдата с нашивками через погон и медалью на кушем мундире. Ясно, допытываются у него — куда везут. Дураки. Не к тебе же на блины. Неподдалеку трое, которых еще не покинул хмель, заводят песню.

Из-за острова на стрежень,

На простор речно-о-ой в-о-лны.
Выплывають расписные
Стеньки Разина-а целны-ы.

Песне тесно в этой скрипучей, переваливающейся с боку на бок коробке, она теряет свою силу. Ее никто не подхватит. Не задела в этой тесноте людей песня.

— Пусть шобель дотякнет,— объявляет тенор, на полуслове оборвав песню.

Качнуло, кинуло из стороны в сторону на стрелках. Мимо окошка поплыли длинные закопченные строения, паровозы, окутанные паром, вагоны.

— Братва, Мурой!

Но отсканел от двери унтер.

— А ну, назад!

Взялся за скобу, и дверь пошла в сторону. Палячо-ветром и паровой гарью. Стукнули цепи. Прибыли. Соскочил старший на землю. Видно Орлову, как вдоль состава вышагивает офицер. Подобрался унтер. Врез важным стал. Не подступились.

— Водички бы, дядя...

— Какой и тебе дядя, лапоть. Семушкин! Слетай до водокочки.

Топая яловыми сапогами в тонко позванивая пустыни ведрами, ударились бежать через пути солдат, пиомоник унтера, к пузатой кирпичной башне.

А к теплушкам уже липла толпа: тут и деревенские тетки с тусыми питья, лесной ягоды, и бородачи, и безусые мешочники, зыркающие, где бы прицепиться до Москвы.

— Ква...а...сок, ква...а...сок...

— Картошка разварная. Остатки остальные...

— А ну, слдай!

— Не лапай! Я те лапну!

— Стрва...

Продираясь вдоль теплушек через людской наплыв, шли трое. Тужурки пугебыв. У одного в руке с длинным хоботом мисленка, у другого — саквожайик. Один из них мимоходом кинул под ноги толпившихся в проеме двери несколько листов. Подобрали.

— Ребя, кто в писаном смыслит?

— Передай сты.

Кинулся в теплушку унтер, выхватил листок и едлым духом, в офицери.

— Ваше благородие, опять то, самое...

А вдоль теплушек уже бежали, раскидывая встречных направо и налево, тяжелые на ногу, пережестянные желтыми ремнями два жандарма. Тих, трох, они настигли у соседней теплушки, и трелью рассыпался полицейский свисток-соловей. Один за другим к вагону спешили блостители парадка.

— Чего, чего напирател!

— Раз...а...айдись!!!

К теплушке из толпы:

— Братцы, подомнител!

— Не дайте забидеть...

— Эх!

Но зря зовут. Теплушки только сотрясли глаз сморзат и мрдают. Мимо уже волокут задержанных. Хрясть. И катится фуражка под ноги жандарма. Крепкая рука

всплывая в борт подлевки. Где удержат пуговицам: треск материн по-живому, из-под распахнутой тужурки белые хлопья — листки. Эх!

И вдруг, двинув вставшего в дверях унтера, копилуном кинулся вниз из теплушки человек. Крайний жандарм осел под ним, переломился. Пальцы сошлись над его подбородком, мнут горло. Это — татарин Андрей. Но над сцепившимися взметнулась рука. В кулаке зажата рукоятка револьвера.

Удар. Обмякший новобранец кулем валится в сторону. Выскочивший из-под него жандарм раз в разороса опускает каблук начиненного до блеска сапога на бритую голову. Видит Иоська, как из раскрытого рта ларня ударила кровь.

— Закры-ва-й дие-ери!

Это надрываются офицеры, следующие с шшелонм. Заскрежетали щиты двери и скрыли от новобранцев толпу.

Но видно сверху Иоське, как подхватили под мышья татарина и поволокли через рельсы. Стопанные чьянки остались там, где кровяноло на шпалах пятно. Поямок под окошком стоял старший эшелона и железнодорожники с блестящим свистком на груди.

— Отправляйте, сию же минуту. Слышите?

— А вы, ваше благородие, не беспокойтесь... У вас народец зеленый! Не то, что с позиций... А отправлять не могу. Встречной должен быть. Ожидаем-с.

Отклянула толпа. Напсаживаясь свистом, по соседнему пути прокатил пышущий жаром паровоз. Замелькали вагоны. Теперь ничего не было видно, кроме бегущих мимо коричневых, желтых и грязно-темных корробок.

Дернули, ойкнули цепи, и все поплыло назад. Эшелон выбирался за стрелки, покидая беспокойный Муром.

...О случившемся говорили шепотом. Подойдет унтер, и разговоры смолкают. Кто-то успел узнать, что в листках было писано, против войны.

На первой же остановке в теплушку пришел офицер. По его словам, это дело рук германских шпионов в изменников отчества. Последние хотят продать Россию немцам, оптом со всеми городами и селами. Некоторые верили, другие, не понимая, тупо смотрели на его благородие. Офицер был весел и разговорчив. Но были и такие, что с усмешкой отходили в сторону.

Про татарина Андрея офицер только и сказал:

— Дурак пьяный!

Но о татарине все думали хорошо, знали, что трезв был. А его земляк охал внизу. Иоська видел, как оя, коверкая русские слова, хватался за руки подсевших к нему новобранцев:

— Андрейка, ой, был карош парень... Ой, карош... А как плохо случилось... Как его семья собчать... Сбесялся Андрейка... В пятом годе он видал, как брата его стражник вешал...

Осиротел татарин.

День погас. Стучали колеса под полом. Эшелон, рассыпая искры, катил в опускающуюся ночь.

(Продолжение следует).

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО

Спектаклями «Дон-Кихот» и «Пер Гюнт» начал свои гастроли в Ангарске Бурятский ордена Ленина театр оперы и балета. На этот раз бурятские артисты привезли ангарчанам только балет: многое из программы для нас новинка.

Театр пополнился новыми талантами и молодежью, пробующей свои силы на балетной сцене.

На снимках: сцены из балета «Дон-Кихот». Критик прекрасно танцевала Лариса Петровна Сахлылова. Балет — П. Абатева (слева). Справа — Дон-Кихот (М. Петров), Санчо Панса (В. Дамбуев).
Фото А. ХАМЗИНА.

КОГДА ПОЕТ ЛИНХОВОИН

Непонятно откуда, вьрывается лето, и, неведомо где, проплывает планета. То стираются, то обостряются грани меж мирами и зрами, лаской и бранью. И навеки раздовоен разгневанный профиль: запел Линховоин — живет Мефистофель. И казацкая кровь, как бурлацкая волга... Время катится вновь бурно, бешено, долго... Жизнь не раз оговорена, мир не однообразен. Слышу песнь Линховоина, а грустит Стенька Разин. И бурлтская степь под конем всколыхнулась — и у всадника в пропасть слетела сутулость. И несется в степи сквоззо века батор-воин... Мир, не спи, день, воскресни!.. Поет Линховоин...
Иин. НОВОКРЕЩЕННЫХ.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

В редакционную почту поступило письмо от пенсионера Григория Сергеевича Лышкого. Он пишет о тех трудностях, которые испытывают жители 13-го микрорайона вот уже на протяжении месяца из-за отсутствия хлебного магазина.

На это письмо нам ответил начальник орс строительства Муравьев И. Г. — хлебный магазин был закрыт на текущий ремонт по предписанию санэпидстанции. Торговля хлебом проходила магазин № 33, расположенный в 11-м микрорайоне. Но с января 1969 года хлебный магазин № 67 работает.

В ближайшее две недели будет решен вопрос об открытии хлебного магазина в 13-м микрорайоне.

ГАСТРОЛИ „ДИКСИЛЕНДА“

В Ангарске проходили гастроли московского «Диксиленда» — эстрадного ансамбля, объединяющего джазовый коллектив, солистов и балетный ансамбль. Московский «Диксиленда» все еще в поиске жанра, и потому некоторые номера его слабы и сделаны в духе агитбригад. Но, несмотря на это, любители джазового и современной эстрадной музыки тепло встречали Наталью Синельникову, Анатолья Шатилова, Людмилу Петрову, Ирму Синквич, Михаила Якова.

ЩЕПОТЬ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Библиотека
нашей
Газеты

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

(Продолжение. Начало в № 51, 52).

3.
ВЫСТУКИВАЮТ колеса под полом. Тяжело, где-то впереди дышит издерганный паровозик. Сгудет он космы черного дыма по околицам деревень, по крестьянским десятинам — полосам, на которых наливаются хлеб. Разогнет спину баба, глянет из-под руки на бегущие по насыпи теплушки, набитые мужиками, туманом застелет ей глаза — вспомнит баба своего, кинувшего в ее с детства в объятия беспросветной нужды и бесчисленных забот. Дальше всех эшелон продолжают церкви в колокольни — высоко они выстроились в небо купола и кресты над почерневшими соломенными шапками нахмуренных изб. Далеко с высоты-то видеть, а у изб окошка в землю смотрят, за два шага перед собой не рассмотреть.

По коленстой дороге, вдоль «железки», телега с мужиком. Иоська смотрит на них и представляет, что вот так же возвращается со станции отец: свесив с телеги заочученные в новые лапти ноги, он забыл про Гнедка, а тот не торопится, не мешает хозяину думать. А хозяйка ждот дома пуста и гнетущая тревога: теперь двое со смертью играют.

Попуту отец будет ладить в косе длиннозубые грабельки, а покочив с этим делом, выйдет на загон и попробует на зуб зерно. Косить будет в одиночку, а за ним медленно начнут вырастать на полосе поставушки из снопов, поставленные матерью.

Иоськино место «на втором этаже» нар. Этажи из шершавых неостроганных досок, от которых идет свежий смольный запах. По весне, видно, сосны палили, без просушки пустили в дело. Напротив — окошко. Выглядящее место — лежи себе и смотри.

Внизу двое. Мужик и парень. Татары. Старшему не меньше тридцати. Телом он сух, лицо его серо и на нем тощие щеточкой усики. Этот оторван от семьи, от тысяч дел. Он сидит на краю нар голый по пояс и штопает серыми суровыми нитками рубашку. На темную матерью ложится веровная белесая стежка, а татарин улыбается и, довольный, цокает языком. Парня зовут Андреем. Он смугл и круглолиц. У него приятный голос, и вот уже больше часа, как он, заложив руки за голову и вытянувшись вдоль нар, поет на своем языке грустные песни. Они похожи одна на другую, и не donating, о чем поет парень.

— А...аа...оола...аа... Оолаааааа!

Ему никто не мешает. Пусть поет себе. Унылый налеп ложится теплым, не лишним комочком в душу.

Из кувшинищев в эту теплушку никто не попал, и Иоське не с кем по-свойски переборщить словом, шов завандует этим двоим, внизу.

В дальнем углу новобранцы обступили старшего вагона — солдата с нашивками через погон и медалью на кушем мундире. Ясно, дотытаются у него — куда везут. Дураки. Не к тебе же на блины. Неподалеку трое, которых еще не покинул хмель, заводят песню.

Из-за острова на стрежень,

На простор речно-о-ой в-о-лны.

Выплывают расписные

Стеньки Разина-а челны-ы.

Песне тесно в этой скрипучей, переадавающейся с боку на бок коробке, она теряет свою силу. Ее никто не подхватил. Не задела в этой тесноте людей песня.

— Пусть кобель дотявкает,— объявляет тенор, на полуслове оборвав песню.

Качнуло, кинуло из стороны в сторону на стрелках. Мимо окошка поплыли длинные закопченные строения, паровозы, окутанные паром, вагоны.

— Братва, Муром!

Но отгнулся от двери унтер.

— А ву, назад!

Взялся за скобу, и дверь пошла в сторону. Пахнуло ветром и паровой гарью. Стукнули шены. Прибыли. Соскочил старший на землю. Видно Орлову, как вздрз важным стал. Не подступиться.

— Волчики бы, дядя...

— Какой я тебе дядя, лапоть. Семушкин! Слетай до водокачки.

Топая яловыми сапогами и тонко позванивая пустыми ведрами, ударился бежать через дуги солдат, мощици унтера, к пузатой кирпичной башне.

А к теплушкам уже липла толпа: тут и деревенские тетки с туссами питья, лесной ягоды, и бородачи, и безусые мешочники, зыркающие, где бы прицепиться до Москвы.

— Ква...а...сок, ква...а...сок...

— Картошка разварная. Остатки остальные...

— А ну, сдай!

— Не лапай! Я те лапну!

— Стрва...

Продираясь вдоль теплушек через людской наплыв, шли трое. Тужурки пугеицев. У одного в руке с длинным хоботом масленка, у другого — саквояжик. Один из них мимоходом кинул под ноги толпившихся в проеме двери несколько листовок. Подобрали.

— Реба, кто в писаном смысле?

— Передай сюды.

Кинулся в теплушку унтер, выхватил листок и еденым духом, к офицеру.

— Ваше благородие, опять то, самое...

А вдоль теплушек уже бежали, раскидывая встречных направо и налево, тяжелые на ногу, перекрестные желтыми ремнями два жандарма. Тед, тронх, они настигли у соседней теплушки, и трелью рассыпались полицейский свисток-соловей. Одни за другим к вагонам спешили блютестели порядка.

— Чего, чего напирател!

— Раз...з...айдис!!!

К теплушке из толпы:

— Братцы, подмогните!

— Не дайте забыть...

— Эх!

Но зря зовут. Теплушки только сотряса глаз смотрят и молчат. Мимо уже волокут задержанных. Хрясть. И катится фуражка под ноги жандарма. Крепкая рука

вцепилась в борт поддевки. Где удержат пуговицам: греск материн по-живому, из-под распахнутой тужурки белые хлопья — листки. Эх!

И вдруг, динув аставшего в дверях унтера, коошущим кинулся вниз из теплушки человек. Крайний жандарм осел под ним, переломился. Пальцы сошлись под его подбородком, мнут горло. Это — татарин Андрей. Но над спешившимися взметнулась рука. В кулаке жажата рукоятка револьвера.

Удар. Обмякший новобранец кулем валится в сторону. Выскочивший из-под него жандарм раз за раз опускает каблук наченного до блеска сапога на бонтугоу голову Видит Иоська, как из раскрытого рта парня ударила кровь.

— Закры-вай! дие-е-ри!

Это надраваются офицеры, следующие с эшелонном. Заскрежатали щиты-двери и скрыли от новобранцев толпу.

Но видно сверху Иоське, как подхватили под мышку татарина и поволокли через рельсы. Стопанные чвьяки остались там, где кровало на шпалах пятно. Поямо под окошком стоял старший эшелона и железнодорожник с блестящим свистком на груди.

— Отправляйте, сию же минуту Слышите?

— А вы, ваше благородие, не беспокоитесь... У вас народец зеленый... Не то, что с позиций... А отправлять не могу. Встречной должен быть. Ожидаем-с.

Отглынула толпа. Надсаживаясь свистом, по соседнему пути прокатил пышущий жаром паровоз. Замелькали вагоны. Теперь ничего не было видно, кроме желтых мимо коричневых, желтых и грязно-темных корробок.

Дернули, обкнули шены, а все поплыло назад. Эшелон выбрался за стрелки, покидая беспокойный Муром.

...О случившемся говорили щепотом. Полядет унтер, и разговоры смолкают. Кто-то успел узнать, что в листках было писано, против войны.

На первой же остановке в теплушку пришел офицер. По его словам, это дело рук германских шпионов в изменников отечества. Последние хотят продать Россию немцам, оптом со всеми городами и селами. Некоторые верили, другие, не понимая, тупо смотрели на его благородие. Офицер был весел и разговорчив. Но были и такие, что с усмешкой отходили в сторону.

Про татарина Андрея офицер только и сказал:

— Дурак пьяный...

Но о татарине все думали хорошо, зная, что трезв был. А его земляк охал внизу. Иоська видел, как он, коверкая русские слова, хватался за руки подсевших к нему новобранцев:

— Андрейка, ой, был карош парень... Ой, карош... А как плохо случилось... Как его семья собчать... Сбесился Андрейка... В пятом годе он выдал, как брата его стражники вешал...

Осиротел татарин.

День погас. Стучали колеса под полом. Эшелон, рассыпая искры, катил в опускавшуюся ночь.

(Продолжение следует).

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЕМ

В редакционную почту поступило письмо от пелсюнера Григория Сергеевича Лещкого. Он пишет о тех трудностях, которые испытывают жители 13-го микрорайона вот уже на протяжении месяца из-за отсутствия хлебного магазина.

На это письмо нами ответил начальник орсса строительства Муравьев И. Г. — Хлебный магазин был закрыт на текущий ремонт по предписанию санэпидстанции. Торговлю хлебом произведи магазин № 33, расположенный в 11-м микрорайоне. Но с января 1969 года хлебный магазин № 67 работает. В ближайшье две недели будет решен вопрос об открытии хлебного магазина в 13-м микрорайоне.

ВЫСОКОЕ ИСКУССТВО

Спектаклями «Дон-Кихот» и «Пер Гюнт» начал свои гастроли в Ангарске Бурятский орден Ленина театр оперы и балета. На этот раз бурятские артисты привезли ангарчанам только балет: многое из программы для нас новинка.

Театр пополнился новыми талантами и молодежью, пробующей свои силы на балетной сцене.

На снимках: сцены из балета «Дон-Кихот». Критри прекрасно танцевала Лариса Петровна Сахьянова, Базил — П. Абашев (слева).

Справа — Дон-Кихот (М Петров). Санчо Панса (В Дамбуев).

Фото А. ХАМЗИНА.

ГАСТРОЛИ «ДИКСИЛЕНДА»

В Ангарске проходили гастроли московского «Диксилэнда» — эстрадного ансамбля, объединяющего джазовый коллектив, солистов и балетный ансамбль. Московский «Диксилэнд» все еще в поиске жанра, и потому некоторые номера его слабы и сделаны в духе агитбригад. Но, несмотря на это, любители джазовой и современной эстрадной музыки тепло встречали Наталью Синельникову, Анастасию Шатилову, Людмилу Петрову, Ирму Синкевич, Михаила Якова.

КОГДА ПОЕТ ЛИНХОВОИН

Непонятно откуда, врывается лето, и, неизвестно где, проплывает планета. То стирается, то обостряются грана меж мирами и эрами, лаской и бранью. И навеки раздвоен разневанный профиль: запел Линховоин — живет Мефистофель. И казацкая кровь, как бурлацкая Волга... Время катится вновь бурно, бешено, долго... Жизнь не раз оговорена, мир не однообразен. Слышу песнь Линховоина, а грустит Стенька Разин. И бурятская степь под коном всколыхнулась — и у вадника в пропасть слетела сутулость. И несется в степи сквозь века батор-воин... Мир, не спи, день, воскресни!.. Поет Линховоин...

Иин. НОВОКРЕЩЕННЫХ.

